КРОКОДИЛ

1
ЯНВАРЬ 1969

Рисунок И. СЕМЕНОВА

Продолжение разговора о «Фиате» см. на стр. 10.

ПРЕДИСЛОВИЕ К НОВОМУ ГОДУ

Мой друг читатель!

Согласись, что сейчас, когда отшумели новогодние елки и умолкли заздравные тосты, самое время трезво и нелицеприятно приглядеться к фактам жизни, к злобе дня.

Что мы с тобой видим!

Мы видим человека, врубающего в дремотную от века тайгу стальную колею железнодорожной магистрали; человека, озаренно склонившегося над чертежной доской; человека, кропотливо сортирующего семена нового урожая; человека, приготовляющего к старту космическую ракету; человека, идущего, как на сражение, из-за кулисы на сцену... Короче, мы видим Человека, ежечасно изменяющего мир — изменяющего в лучшую сторону.

Но рядом с Человеком мы усматриваем человечка: мещанина и пройдоху, стяжателя и ханжу, хама и лжеца, дебошира и взяточника... Он ловчит и злопыхательствует, лжет и лицемерит, крадет и хулиганит... И проблема не столько в самом этом человечке, сколько в заразе, распространяемой им вокруг себя и поражающей невзначай иной здоровый организм.

Конечно, мы с тобой, дорогой читатель, всякий раз встречаем в штыки злобный эгоизм, самовлюбленное ханжество, подленькую ложь и все другие гнусности. Но это работа не на один день. Пока еще не пришла пора выводить итоговые цифры истраченных критических стрел.

Кстати, о цифрах. Как известно, в наступившем 1969 году Страна Советов выработает:

687 миллиардов киловатт-часов электроэнергии,

326,5 миллиона тонн нефти,

112,6 миллиона тонн стали,

847 тысяч автомашин...

И среди многого другого — примерно 200 миллионов экземпляров «Крокодила».

Быть может, ты из тех пятидесяти тысяч читателей, что впервые развернули мои страницы в 1922 году; а может быть, ты из того миллиона новых подписчиков, которые примкнули к моей «старой гвардии» в этом году. А миллион — это значит, что в сторожевые патрули, охраняющие нелегкий творческий труд Человека от наглых поползновений настырного человечка, встают новые сотни тысяч бойцов.

Я не оговорился. Я называю тебя бойцом, мой читатель, вовсе не для красного словца. Потому что нет на моих страницах, по сути дела, ни одной строчки и ни одного штриха, которые не были бы подсказаны, навеяны, вдохновлены твоими заботами и тревогами, твоей нетерпимостью к всяческому злу, твоей естественной потребностью в улыбке и задорной шутке. Я уж не говорю о том, что сотни, тысячи читателей сами становятся авторами журнала, присылая мне свои рисунки, рассказы, стихи, заметки, темы для карикатур, факты для фельетонов.

Перед Новым годом я решил навестить кое-кого из моих читателей и потолковать с ними о журнале. Я побывал в Запорожье и Тольятти, в Вологде и Свердловске, в Чебоксарах и Великом Устюге, в райцентре Каменка. Среди моих многочисленных собеседников были юные студенты и седые ветераны, бетонщики и инженеры, маляры и педагоги, агрономы и библиотекари, колхозники и юристы, партийные работники и журналисты; были подписчики «Крокодила» с 35-летним «стажем» и те, кто недавно впервые взял журнал в руки.

Это были по-настоящему, по-деловому полезные встречи. Как повелось, каждый участник такой читательской конференции заполнил небольшую анкету. Меня интересовало, что, на взгляд читателя, хорошо в журнале, а что нет, какие волросы и темы я упустил из виду, какие разделы и жанры больше — или меньше — нравятся моим собеседникам, и т. д. Могу заверить: читатели дали мне такую обширную, серьезную и подробную программу работы, что, как говорят, только успевай поворачиваться.

Где анкета, там и статистика.

На вопрос «Сколько человек читают каждый получаемый Вами номер журнала!» некоторые ответили туманно:

— Вся семья.

— Вся квартира.

— Все друзья и знакомые.

— Все общежитие.

Другие же, кто пунктуальнее, дали точные цифры. И из этих цифр обнаружилось, что каждый номер моего журнала в среднем читают, как минимум, 5—6 человек. А это значит... впрочем, правила умножения ты знаешь не хуже меня.

Тут я как будто слышу со стороны голос осторожного скептика:

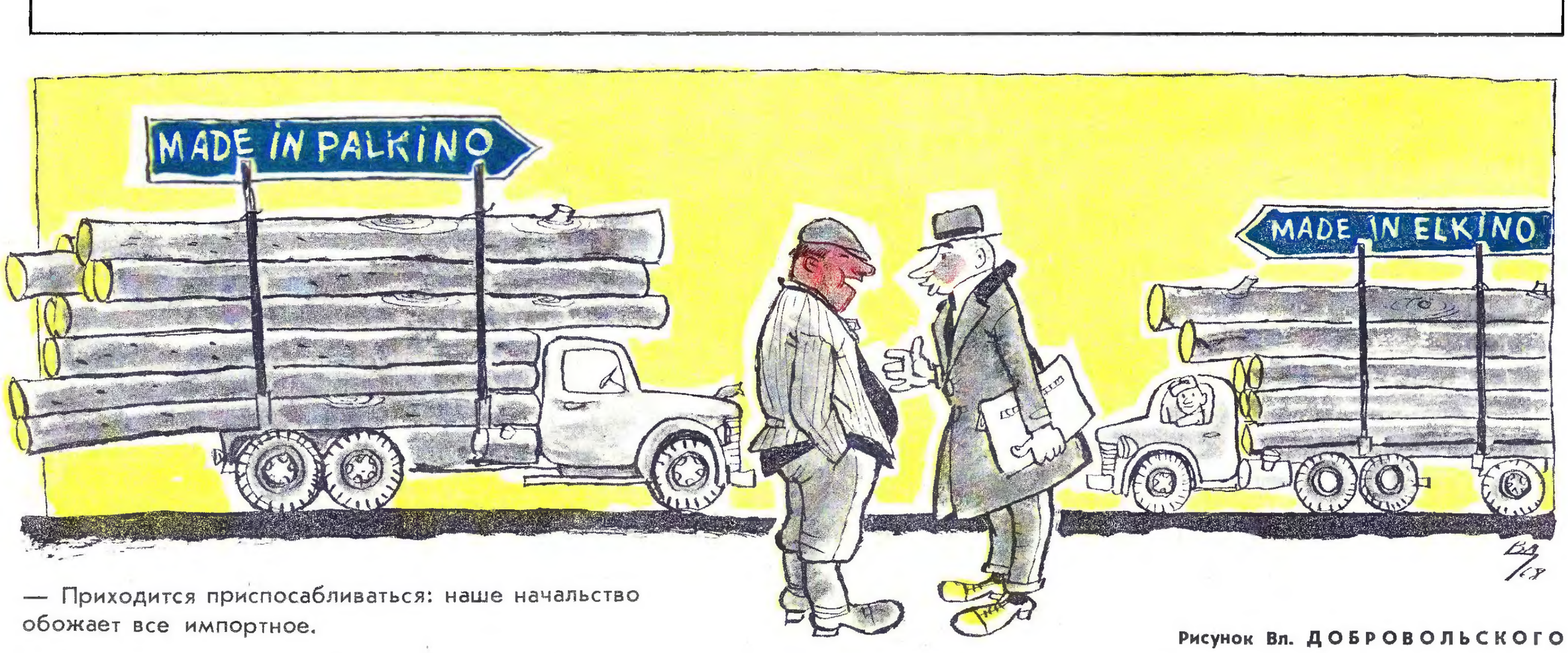
— Ну, хорошо, по темпам прироста и абсолютному количеству читателей «Крокодил» действительно вышел на первое место среди всех юмористических журналов мира. Но о чем это говорит! Не о росте ли изъянов и неполадок в самой жизни!

Ответ скептику будет прост. То, что еще вчера казалось, может быть, сносным, сегодня становится нетерпимым. Множится не число пороков — растут наши духовные запросы, умножается наша решимость покончить с существующими пороками, добить их. Ирония, сарказм, смех, веселость всегда отличали сильных духом. Небывалый тираж моего журнала, конечно, вреден, но именно и только для всего вредного.

Итак, друг мой читатель, берись вместе со мной за старые добрые вилы—и вперед за шестьдесят девятым годом без страха и сомненья.

Идет!

Твой КРОКОДИЛ.



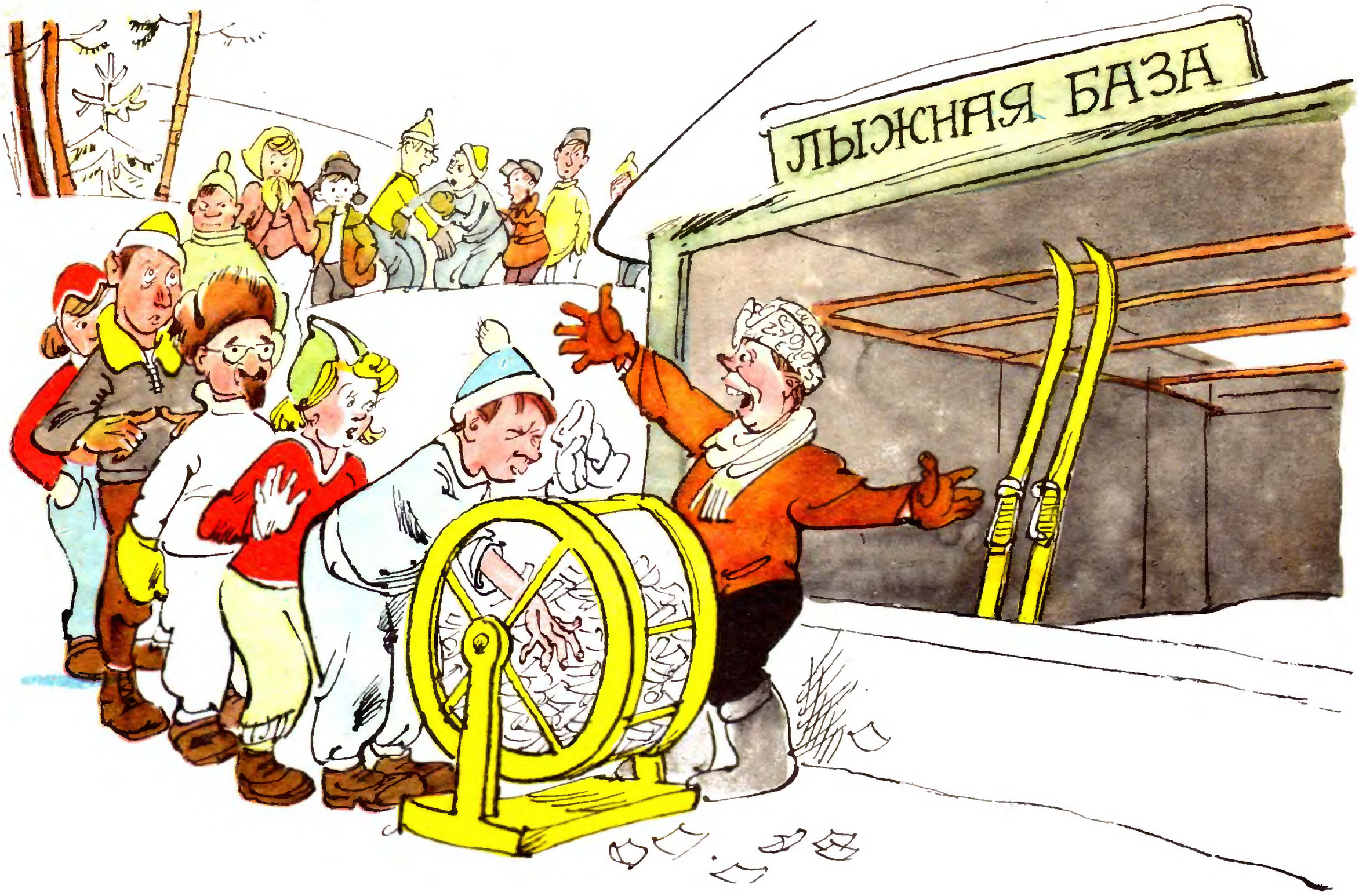
— Приходится приспосабливаться: наше начальство обожает все импортное.

Рисунок Вл. ДОБРОВОЛЬСКОГО

УНИВЕРСИАДА ОСТРОУМНЫХ

НОВЫЙ КОНКУРС «КРОКОДИЛА» — ДЛЯ СТУДЕНТОВ УНИВЕРСИТЕТОВ СТРАНЫ

см. стр. 13.



— Выигравший получает лыжи напрокат!

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

ВИЛЫ В БОК!

ЦЕНА ОДНОЙ БУКВЫ

Житель поселка Ордынское П. Скурихин открыл удивительное свойство родной речи. Оказывается, наиболее употребительна в русском языке буква «м». П. Скурихин уяснил это в тот момент, когда в его пишущей машинке «Москва» указанная буква вышла из строя.

— Вот так всегда,— вздыхал он, проставляя вручную недостающую букву.— Мы всегда ценим то, что потеряли.

Естественно, гражданин Скурихин попытался вернуть утраченную букву. Но буква дорого ему обошлась. Она обошлась в 55 рублей 95 копеек.

Когда в новосибирском Доме бытовой техники Скурихину вручили счет на эту сумму, владелец «Москвы» несколько растерялся.

— Не надо,— проговорил он, стыдливо сжимая в руке трешку. (Наивный человек! Он полагал, ему останется еще на пиво.)— Я лучше так, без «м».

— Ну что вы! — возразили ему.— Теперь у вас отличная «м». У вас лучшая «м» во всей Новосибирской области.

— Спасибо...

— Не стоит, пустяки.

Заказчик мялся, глядя на счет. И вдруг лицо его просияло.

— Послушайте! — воскликнул он.— Вы ошиблись. Тут написано: исправление барабана,— а у меня барабан работал нормально. У меня буква «м» не работала, помните?

— И клавиатура у вас работала,— кивнул мастер.— И рычаги были подогнаны. И замок регистра был исправен.

— Да, — пролепетал Скурихин, — был.

Мастер тонко улыбнулся. Плохо, когда клиент не понимает иронии.

— Дорогой, — снисходительно пояснил он,— все это у вас было. Но вам был произведен ремонт третьей категории. А в этот ремонт входит тридцать шесть операций. Все они здесь перечислены.

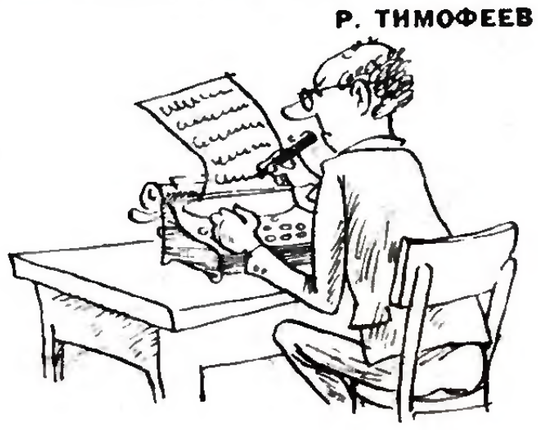
— Мне не надо тридцать шесть операций. Мне нужна была буква «м».

Мастер пожал плечами.

— Операции производились условно. Согласно перечню работ третьей категории. Так что извольте оплатить счет.

П. Скурихин оплатил. А затем написал письмо в «Крокодил». Письмо было напечатано на машинке, а одна из букв — на этот раз другая — проставлена от руки. Товарищ Скурихин просит простить его за это, так как он собирается в ближайшее время покупать спальный гарнитур.

Р. ТИМОФЕЕВ



КРАСНАЯ ШАПОЧКА

Работники Калининской фабрики головных уборов с полным правом могут утверждать, что их профессия красит человека. Главным аргументом является выпущенная фабрикой шапка с оригинальной этикеткой из линяющего материала. Пока что голова покупателя окрашивается преимущественно в красный цвет. На повестке дня — создание этикеток всех цветов радуги.

В. МАЙ

ОТ НУЖДЫ...

Все в мире гораздо проще, дорогие граждане, чем мы с вами иногда думаем. Некоторые вот из кожи лезут, одалживают, на заварке чая экономят, чтобы автомобиль купить. И ничего у них не получается.

А у Ивана Ивановича Харченко, директора совхоза «Кутузовский», получилось.

Уважаемый директор собрался как-то поехать отдохнуть и поправить здоровье. Получил 568 рублей отпускных, заплатил за путевку 48 рублей и решил, что оставшихся денег ему никак не хватит... То есть вообще-то, видимо, хватило бы, но вот на поправку здоровья никак не хватит. И пошел тогда Иван Иванович в районное управление сельского хозяйства и попросил еще 230 рублей в виде материальной помощи.

А в управлении решили: «Что ж, нуждается человек... Получает-то он всего вместе с премиальными по два оклада в месяц, да в конце года каких-то шесть окладов за перевыполнение планов по отдельным культурам... Мало, конечно». И дали ему эту самую материальную помощь. Как остро нуждающемуся.

Через год снова приходит Иван Иванович в то же управление и говорит: «Нужда заела...» «Заела так заела,— отвечают в управлении.— На тебе еще!» И взял товарищ Харченко еще материальную помощь. В размере оклада...

А на следующий год, 1968-й, приезжает Иван Иванович в родное Кутузовское на «Волге». Да не на казенной, а на своей родной, только что купленной.

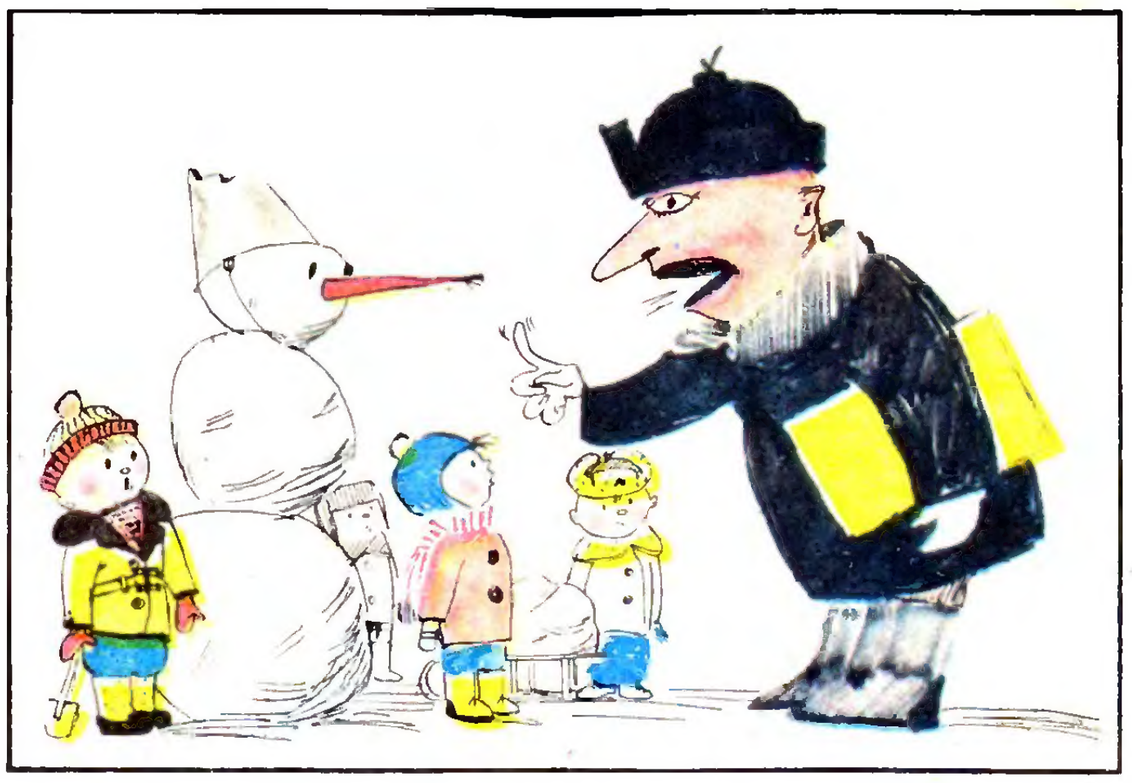
Мы, конечно, не хотим сказать, что погрязший в нужде директор купил «Волгу» на деньги, полученные в виде материальной помощи. Мы просто хотим сказать, дорогие граждане, что все в мире гораздо проще. Незачем жить на зарплату. Можно жить на материальную помощь. А зарплату откладывать на автомобиль.

А. ПОРТЕР

Володарский район,
Кокчетавской области.

Электродойка.

Рисунок И. СЫЧЕВА



— Как вы посмели возвести посторонний объект на вверенной мне территории!

Рисунок В. КАНЕВСКОГО

Музыкальная история

Андрей НИКОЛЬСКИЙ

Жизнь сейчас стала, конечно, намного веселее. Нет, кроме смеха. Больше улыбок вокруг, песен стало больше.

Я вот тоже недавно захожу в музыкальный магазин, прошу гитару. Думаю, разучу какой-нибудь сердцещипательный романс, дам выход своим радостным чувствам.

— Нету, — говорят, — гитар.

— Ну, в таком случае струны дайте.

— И струн нету.

— Это что ж, — спрашиваю, — опять шалости нашего планирования или другая причина?

— Другая, — отвечают, — жить стали веселее, вот и не хватает музыкальных инструментов. Поем и играем! Столько развелось бардов и менестрелей, что никаких гитар не напасешься. Куда ни глянь, обязательно увидишь или барда, или менестреля. А если это не бард и не менестрель, то он все равно поет или стихи сочиняет. Прямо удержу на нас нет.

Да, думаю, в этом вопросе тоже надо соблюдать меру. А то, пожалуй, слишком веселая жизнь выйдет боком. И получатся одни неприятности, как, например, у жильцов дома № 56 по улице Горького в Москве.

Да знаете вы этот дом! Недалеко от Белорусского вокзала. По левой стороне, если идти к центру. В нем еще магазин «Пионер» помещается. Громадный такой дом первой категории в девять этажей.

Так там на музыкальной почве дело дошло до товарищеского суда. До взаимных оскорблений дело дошло и совершенно невероятных событий. Хоть святых вон выноси!

В этом доме на пятом этаже живет бывшая солистка оперы Галина Петровна. Сейчас она на пенсии. Ну живет и живет. Все еще поет, между прочим. Квартира у нее вполне приличная, мусоропровод действует, пенсию она получает, чего ей не петь? И, помимо того, еще в клубе руководит вокальным коллективом.

А этажом ниже, как раз под этой певицей, живет один уважаемый профессор, доктор технических наук. Он, рассказывают, несколько лет назад ездил в Одессу и там женился. Очень у него миловидная такая жена, Ольга Никитична, с высшим образованием, но сейчас не работает. Она стихи пишет. У нее площадь это позволяет. Квартира просторная, мусоропровод действует. Чего ей не писать? Хорошие такие стихи получаются: про осень, про минувшую любовь, одним словом, лирического плана. В редакции их не посылает, а переписывает в толстую клеенчатую тетрадку. Для себя и для знакомых.

Только садится писать Ольга Никитична стихи, а они, будь им неладно, не пишутся. Ну только, понимаете, рифмы какие-нибудь появятся, завиляют хвостиками, а тут сверху ля-ля-ля-ля-трам-тарарам! — и все рифмы врассыпную. Заодно с мыслями.

И вот, обратите внимание, возникает жестокий конфликт между двумя интеллигентными дамами. И что удивительно! Этот дом, можно сказать, доверху набит интеллигентными дамами, но конфликт возникает только между этими двумя. И опять же возникает конфликт не из-за ежика, которым чистят примус, а на очень такой изысканной платформе: ариозо, каприччио, ямб, амфибрахий и все такое прочее...

Не получаются у Ольги Никитичны стихи из-за пассажей верхней певицы.

«Ах так! — думает, наверно, она. — Ну, подожди, найдем управу на твое коловоротное сопрано. Ты мне не даешь писать, а я тебе не дам петь».

И приводит в жизнь совершенно изумительный по своему коварству замысел. Ставит возле мусоропровода магнитофон и включает его на полную мощность. С помощью громадной трубы этого мусоропровода получается гигантский граммофон.

А Галина Петровна в ответ на это на своем беккеровском пианино тоже поддает жару.

Она так и говорит:

— Как снизу начинается музыка, так я стараюсь посильнее играть... И получается у нас вроде соревнования...

Ничего себе соревнованьице! Ну, а соседи? Тут даже трудно представить, что происходит. Жильцы, наверное, на лестничные площадки выскакивают.

— Что такое? Что такое?

А мусоропровод гремит на все девять этажей.

А мусоропроводы в домах первой категории ставят повышенной звучности. Это все знают и даже теперь при обмене квартир указывают.

Ну, короче, всеобщее возмущение, и не поймешь что. Только и это возмущение Ольга Никитична сумела поставить в определенные рамки. Простому смертному даже не додуматься, как она это ухитрилась. А сделано было до гениальности просто: Ольга Никитична стала периодически проигрывать «Интернационал»!

Все, конечно, сначала насторожились: к чему бы это? И общее возмущение на какое-то время сменилось глубоким недоумением. И я, ваш покорнейший слуга, на первых порах по наивности тоже никак не мог понять, зачем этой музыкальной войне придавать какое-то интернациональное звучание. Но, грешным делом, подумал, что, возможно, Ольга Никитична черпает в этом прекрасном гимне вдохновение и силы для своей героической борьбы с соседкой. И со всей прямотой спросил, так ли это?

Но все оказалось несколько проще.

— Я, например, люблю «Интернационал», — пояснила Ольга Никитична доверительно, — но ведь у нас много и недругов...

— Что вы этим хотите сказать? — спросил я с беспокойством.

— А то, что не все соседи любят «Интернационал».

И мне после этого объяснения как-то вдруг все стало яснее. Боже мой, думаю, какой тонкий расчет и знание психологии! Ведь возражать против «Интернационала» не у каждого и язык повернется. Просто по-человечески совести не хватит.

Вот. А после этого начались какие-то невкусные вещи. Начались телефонные звонки. Ольга Никитична звонит, например, певице, просит ее не петь. Та в ответ:

— Катитесь вы!.. Как пела, так и буду петь!

Этот исторический разговор записывается, значит, заинтересованной стороной на магнитофонную пленку. В назидание потомству, не иначе.

А то у певицы раздаются телефонные звонки, и чей-то женский голос обкладывает ее несусветно многоэтажно. И уйма свидетелей есть, а вот чей голос, никто точно не знает. И товарищеский суд не знает. А магнитофона у певицы как на грех нету.

Ну, на нет и суда нет. И вообще эти детали уже вышли за рамки музыкальной истории и подходят скорее к какому-то другому жанру, уж я не знаю к какому. Но и обойтись без этих деталей было никак нельзя, потому что они чуть-чуть по-новому осветили события, отчего последние стали красочнее и ярче.

Эмриз ХЬЮЗ,
член английского парламента

ПИСЬМО ИЗ ЛОНДОНА

ПЯТОЕ КОЛЕСО

Мой старый друг Самуил Маршак однажды заметил в беседе со мной: «Мне нравятся англичане: у вас каждый четвертый — чудак».

И впрямь, нехватки чудаков у нас не наблюдается, причем это относится не только к людям, но и к учреждениям.

Возьмем, к примеру, палату лордов. Английский парламент недавно обсуждал, что делать с этим допотопным заведением, но так и не пришел ни к какому твердому решению — то ли махнуть рукой и оставить эту палату в покое, то ли ее реформировать и модернизировать, или же вообще сдать в архив за ненадобностью.

Лично я обеими руками голосую за последнее предложение.

В течение ряда столетий палата лордов была наследственным учреждением. Ее скамьи были набиты герцогами, графами, виконтами и баронами, восседавшими там только потому, что их достопочтенные батюшки, дедушки и прадедушки дремали до них под той же самой крышей.

Палата состояла из представителей земельной аристократии, получивших свои земли от королей, а уж к землям прилагались и титулы.

Позднее, когда власть в стране обрели фабриканты и заводчики, в палате лордов появились капиталисты: судовладельцы, банкиры с толстой мошной, угольные короли и хозяева сталелитейных заводов. Разумеется, за ними последовали их потомки: сыновья, внуки и правнуки.

Первая основательная стычка между правительством и палатой лордов произошла в 1910 году. Лорды отказались утвердить бюджет, предложенный либеральным правительством Ллойд Джорджа. Надо сказать, что это отнюдь не было чудачеством со стороны лордов: Ллойд Джордж наступил им на любимую мозоль, новый бюджет предусматривал введение специального налога на землевладельцев. Уинстон Черчилль, который тогда тоже был либералом, яростно атаковал палату лордов и требовал лишить ее права препятствовать введению новых законов. Позднее Черчилль писал, что правительство и лорды тузили друг друга, как Петрушка и полицейский в кукольном театре.

Но хотя у палаты лордов отобрали право ставить палки в колеса финансовым законопроектам, она еще продолжает путаться под ногами. Если у власти консерваторы, палата лордов ведет себя паинькой, но если у власти лейбористы, решившие, скажем, национализировать сталелитейную промышленность, палата лордов выпрыгивает, как пружинный чертик из коробочки, и предъявляет свои права. В нынешнем году палата лордов отказалась утвердить законопроект, предложенный правительством Вильсона, об усилении санкций против Родезии. И тут правительству волей-неволей пришлось задуматься над тем, что ему делать с палатой лордов.

Правительство намеревается лишить джентльменов, унаследовавших свои титулы лордов, права голосования в верхней палате. Пусть посещают палату лордов, пусть произносят речи, но не голосуют. Голосовать разрешат лишь лордам, назначенным самим премьер-министром, но и им не будет дозволено чинить помехи правительству долее шести месяцев.

Это значит, что палата лордов останется существовать, но лишится какой-либо реальной власти, то есть будет говорильней и музеем одновременно.

Таков наш английский чудаковатый способ делать дела.

Я вообще-то не против музеев, но мне не по душе, когда музеи путают с политикой. И если уж палате лордов суждено уцелеть, то ей надо бы заседать не в Вестминстере, а в Британском музее, рядом с залом, где возлежат египетские мумии, или же в музее восковых фигур мадам Тюссо на Бейкер-стрит, по соседству с комнатой ужасов.

Когда нас держит за горло финансовый и экономический кризис, когда правительство вынуждено экономить на всем, чтобы уплатить за подлодки, оснащенные «Поларисами», мы не можем позволить себе такую безумную роскошь, как палата лордов.

Однако находятся и такие, кому по душе этот музейный экспонат. По имеющимся сведениям, реформированная палата лордов будет выплачивать своим членам немалое содержание, а точнее — по 2 тысячи фунтов стерлингов в год.

Хотелось бы знать, за что? Если за то, что она маринует законы, уже одобренные палатой общин, то она не нужна, а если для того, чтобы одобрять решения палаты общин, то она нужна, как телеге пятое колесо.

Таковы проблемы, над которыми мы ломаем себе головы в дни жестокого финансового и экономического кризиса, когда наша валюта в опасности и когда мы не знаем, что станется с фунтом стерлингов через месяц. Только чудаки способны заниматься подобными делами в столь неподходящее время, но нехватки чудаков мы пока не ощущаем.

Лично я ни за какие пироги не согласился бы стать членом палаты лордов. Мне бы очень не хотелось быть похороненным заживо.

ТЕЛЕГРАФНОЕ АГЕНТСТВО КРОКОДИЛА

ТАК

АГЕНТСТВО

МЮНХЕН. По городу разнесся тревожный слух, что одна из местных студенческих организаций, постоянно протестующих против войны во Вьетнаме, собирается в знак протеста облить живого пса бензином и поджечь его у здания городской ратуши (намек на аналогичные акты самосожжения буддийских монахов в Южном Вьетнаме). Несколько тысяч возбужденных бюргеров собрались в назначенное время у ратуши с целью вырвать несчастное животное из рук истязателей. Тогда один из организаторов демонстрации крикнул с импровизированной трибуны: «Вот вы какие! Вы поверили, что мы хотим сжечь собаку, и это вас безумно встревожило. Однако война во Вьетнаме со всеми ее жестокостями, сожженными напалмом детишками не вызывает у вас ни малейшего сожаления. Мы и не собирались сжигать собаку, но, поскольку вы уж собрались здесь,— поговорим о Вьетнаме»...

●

РИМ. В приморских курортных местностях Италии собакам категорически запрещено лаять с десяти вечера до семи утра. Ночное «гав-гав» карается большим штрафом. Владельцам собак не остается ничего другого, как пичкать четвероногих снотворным.

Курортники, аптекари и воры в восторге.

— Кто за решения совета НАТО, поднимите руки!

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

НЬЮ-ЙОРК. Недавно здесь состоялся концерт виолончелистки Шарлотт Мурман. Солистка вышла на эстраду с виолончелью, но... без всякой одежды, даже минимальной. Обратившись к смутившимся слушателям, никак не рассчитывавшим на подобное зрелище, музыкантша заявила: «Секс имеет право на существование не только в живописи, литературе и театре, но и в музыке. Это я и решила вам доказать».

Бойкая виолончелистка сдержала обещание и с грехом пополам исполнила скерцо Шопена. Один музыкальный критик, побывавший на выступлении мисс Мурман, подвел итог: «Она недостаточно хорошо сложена для такого скерцо».

●

САН-ФРАНЦИСКО. Каких-нибудь месяцев десять тому назад губернатор Калифорнии Рнган любил при случае поговорить о том, как образцово поставлена система медицинского обслуживания у него в штате. Еще бы, на лечение калифорнийских бедняков выделялись миллионы долларов из местного бюджета — по так называемой программе «Медн-Кэл».

Сегодня губернатор предпочитает выступать на другие темы. Тщательное девятимесячное расследование установило: лечебницы сплошь и рядом представляли властям липовые квитанции о якобы произведенных расходах. В итоге за один только год люди в белых халатах прикарманили свыше восьми миллионов долларов...

ТЕЛЕГРАФНОЕ АГЕНТСТВО КРОКОДИЛА

ТАК

АГЕНТСТВО

А. КАРАСЕВ,
С. РЕВЗИН

СМЕХ — ДЕЛО ВЕСЕЛОЕ

Тон для стихов в этот раз
Взяли мы самокритический:
Покритикуем сейчас
Собственный цех
сатирический.
Наш сатирический цех
Смеха нередко стесняется
И почему-то за смех,
будто бы смех — это грех,
Кается и извиняется.
Если дают вам прочесть:
«В шутку...»,—
то в знак извинения
Рядом, как правило, есть
«...но и всерьез» —
добавление.
Ставши на эту стезю,
Фразу нашли одиозную
[Чтоб не смеялись вовсю]:
«Смех — это дело серьезное».
Нашему цеху смешно
Жить, пробавляясь
доктриною:
«Смейтесь, пожалуйста, но
Смейтесь с серьезною миною».
Разве нам кто-то дает
Меньше смеяться инструкции!
Разве не хочет народ
Больше веселой продукции!

Александр ИВАНОВ

Микрорецензии на фильмы

«ЖУРНАЛИСТ»

— В Женеве был,
В Париже был...
— А фильм о чем!
— А я забыл.

«Золотой теленок»

В роман впюблен
любой ребенок,
Как это искренне звучит!
Экранизирован «Теленок»,
А зритель жалобио мычит.

Борис ЕГОРОВ

ФИЛОЛОГИ НА ПРИВАЛЕ

Рассказ

Обычно считают, что привалы бывают только у охотников и у солдат.

Это неправильно. Привалы бывают и у филологов — у тех, что участвуют в экспедициях по сбору произведений устного народного творчества.

Где только не побывают неутомимые подвижники-энтузиасты, в какие не заглянут дальние углы, чтобы услышать доселе неизвестную им сказку, песню, мудрую пословицу!

Вот так ходят-бродят, а потом, естественно, привал.

...Два фольклориста, назовем их Первый и Второй, расположились на отдыхе. Конечно, на окраине села. В литературе не принято, чтобы путники останавливались в центре, и я не хочу нарушать эту святую традицию.

Далее все тоже традиционно. Они лежали, конечно, на сеновале Безусловно, уже вечерело, и скот уже прогнали. И, разумеется же, по всему селу плыл неповторимый аромат парного молока.

Можно было бы для описания обстановки привести еще ряд деталей. Но дело не в них. Дело в том, что два филолога беседовали, делясь своей литературной добычей.

— Ах, какие любопытные перлы встречаешь в устном творчестве! — восхищенно сказал Первый.

— Это верно,— поддержал Второй — Сколько лет посвятил фольклору и не перестаю изумляться!

— Да, да! Вот, например, сегодня я услышал сказку!

— Сказку? Ну, ну!

И Первый стал рассказывать.

* * *

В некотором царстве, в тридевятом государстве жил да был царь Террикон.

И слава о нем шла далеко-далеко.

Другие цари славились воинственностью, жестокостью, жадностью. А Террикон славился тем, что был очень чувствительным и очень часто расстраивался.

Он хотел, чтобы все было в царстве-государстве хорошо, и если вдруг узнавал, что что-то плохо, то впадал в грусть, и ему давали успокаивающие королевские капли.

И придворные делали все, чтобы его не расстроить.

— Сколько бочек меда, сколько пудов пеньки, сколько баранов в моем царстве-государстве? — спрашивает царь первого министра.

— Десять тысяч бочек меда, сто тысяч пудов пеньки, миллион баранов,— отвечает министр, не задумываясь.

А у царя на глазах слезы.

— Плачете, ваше величество?

— Плачу.

— Мало, что ли?

— Мало.

— Ну, тогда, значит, я ошибся. Значит, больше.

— Вот то-то же. Пошли во все концы моего царства-государства арифметиков, чтобы сосчитали, чего и сколько. И как дела идут.

Поскакали гонцы во все концы, возвратились и принесли первому министру большую-пребольшую бумагу с докладом.

Смотрит он на бумагу, и глаза его гневом разгораются.

«Меду негусто, в смысле пеньки пусто, баранов встречали, но немного».

— Что вы тут мне понаписали? — кричит министр.

— Что видели,— отвечают арифметики,— что знаем. Мы же во всех концах бывали.

А министр еще пуще злится.

— Получается, что вы во всех концах были и все знаете, а мы посередке сидим и ничего не знаем? Поймите, нельзя так писать: расстроится. И так бессонницей страдает. Забирайте назад свою докладуху и переделывайте.

— А как переделывать? — спрашивают арифметики.

— Эх вы, темнота! — вздыхает министр.— Образованные люди, а учить вас надо. Первая часть положительная — это пять шестых доклада, вторая часть отрицательная — одна шестая...

— Это так обязательно? — удивились арифметики.— А может быть, хотя бы две шестых?

— Ни-и-икогда! Расстроится.

— Поняли,— сказали арифметики.— Дальше...

— Дальше слог. Само слово. Слово должно быть ласковое. Вот вы тут пишете: «К тому же кое-где мед воруют». Грубо. Увидит — расстроится. Нет воровства! Имеют место отдельные случаи, когда некоторые несознательные граждане путают свое личное имущество с имуществом казенным. Вот так! Или еще: «Взятки. Барашка в бумажке дают». Мягче надо! Знать надо, для кого вы все это пишете! Нет взяток. Но, конечно, случаются порой факты, когда рассеянные столоначальники берут у благодарных им людей небольшие суммы денег, по неосторожности не оговаривая сроки возвращения упомянутых сумм кредитору.

— Понятно,— кивнули своими учеными колпаками арифметики.— Но мы же арифметики. Насчет невольных жертв и рассеянных столоначальников это у нас краем-боком. А как же с цифрами?

— Цифры я беру на себя,— ответил первый министр.— Вы, скажу я вам прямо, по-мужицки, не очень сильны в статистике, то есть в цифросчете.

И ушли арифметики. И пришли потом с новым докладом. С мягким таким. Ласковым.

— Так сколько бочек меду в моем царстве-государстве? — спрашивает Террикон своего первого министра.— Сколько пудов пеньки? Сколько баранов?

— Сто тысяч бочек меда, миллион пудов пеньки, десять миллионов баранов,—отвечает первый министр.— По уточненным данным...

А у царя на глазах слезы, и министр поправляется:

— По уточненным, но не окончательным...

А царь говорит:

— Не потому плачу, что плохо, а умилен тем, что хорошо. Значит, дочь мою Олену замуж выдавать можно. И решил я: тому, кто руки ее будет достоин, полцарства отдать. Половину того, что ты назвал...

Первый министр тихонько за сердце хватается: где око, все это названное? Но деваться некуда.

— Хорошо,— говорит,— по вашему повелению отдадим. Но одного этого мало...

Хитрый он был, первый министр.

— Мало? — переспросил царь.— А что же еще надобно?

— Славу вашу увековечить надо. Чтобы прошли века...

— А как это у-ве-ковечить? — заинтересовался царь.

— А в заморских дворцах принято, чтобы во всех залах картины висели. И чтобы рассказывали они современникам и далеким потомкам, как все при великом Терриконе было благоуханно. Какой наша милая сердцу Мурмурляндия была. А с картинами мы пока поотстали.

Как заплачет царь Террикон, как запричитает!

— Поотстали? То вдруг все хорошо было, а то поотстали?

— Не плачьте, ваше величество,— утешил царя первый министр.— Есть выход. Дать в приданое вашей лучезарной дочери вместе с полцарством целую картинную галерею. А для того послать художников во все концы, дать им кистей поболе и холста неограниченно, и пусть работают! А со свадьбой повременить.

И согласился царь, что ради такой великой цели со свадьбой можно и повременить.

Так и до сих пор тянут. Художники виноваты.

Приносят они первому министру свои картины, а он все решительно отметает:

— Ни-и-когда! Расстроится. Что вы тут понарисовали?

— Пейзаж. Деревня, которой угрожает извергающийся вулкан.

— Погасите вулкан. Они у нас не извергаются. Ни-и-когда!

— Но «Гибель Помпеи»?

— «Гибель Помпеи» будет нарисована спустя пятьсот лет после нас, и я за это не отвечаю... Ну-ка дальше. Что тут?

— Разлив реки...

— А к чему разлив? Пусть речка течет, как ей положено! Все переделать! Все переделать! Вы понимаете, для кого вы работаете, чьи светлые очи будут разглядывать ваши картины?!

Так берег первый министр своего повелителя. Не хотел он его расстраивать...

* * *

Закончив рассказывать сказку, Первый спросил Второго:

— Ну? Здорово?

— Замечательно!

— Ей-богу?

— Прелестно!

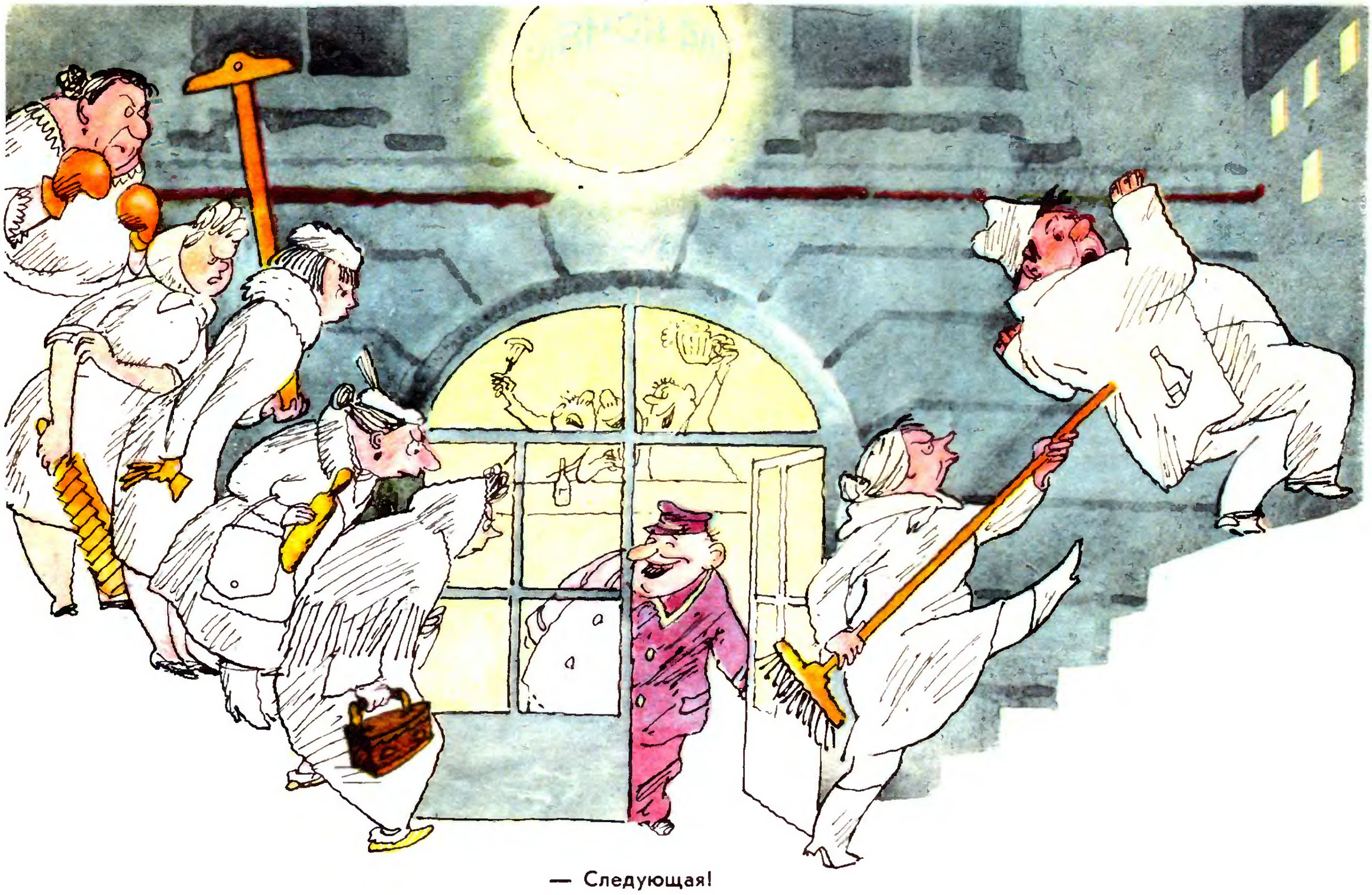
— Серьезно?

— Изумительно!

— Честное слово?

— Восхитительно! Ну, что ты меня допрашиваешь? Ты, конечно, включишь эту сказку в отчет о своей поездке. И под номером один, разумеется?

— Ни-и-когда! — мгновенно посерьезнев, ответил Первый.— Это я тебе могу рассказать. А в отчет или в доклад нельзя: услышит заведующий кафедрой — расстроится...



— Следующая!

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

ВИЛЫ В БОК!

ЛИКВИДИРОВАНЫ КОЛОДЦЫ

В деревне Дуброво, Тихвинского района, Ленинградской области, красавица водонапорная башня пришла на смену нехитрому колодезному устройству, и теперь ее стройный цилиидр украшает деревенский ландшафт. Не надо вращать тяжелый ворот, не надо притягивать за шею «журавль».

Но пока на селе нет ни одной водоразборной колоики, избавленные от колодцев жители шагают за водой на реку.

Ю. С.

КЛАССИКИ НА ПОЛУ

Граждане кустанайского города Аркалык издавна тяготеют к мировой культуре. Доподлиино хотят они знать и про Анку Каренину и про благородного идальго Дон Кихота Ламанчского. А посему была выделена ируглая сумма. Сумму быстренько реализовали, и девятнадцать тысяч томов покорно легли к иогам благодариых жителей. Осталось войти в храм к приобщиться к шедеврам.

Храма, однако, не было. Когда это выяснилось, ответственные лица поглядели по сторонам. Хотелось обнаружить свободное здание. Увы, все здання были заняты. В одних проживали люди, в других разместились учреждения... Тогда шедевры связали в пачни, от семи до одиннадцати кнлограммов каждая, и упрятали на склад.

Пять лет назад пачки перевезли в барак Фурмановского СМУ. Здесь их иногда развязывали. Кое-кто уносил шедевры домой на предмет приобщения. Все это называлось функционированием районной библиотени.

А потом в одну из суббот случилось следующее. Пенсионер Девочкии явился в храм, чтобы оставить в нем «Блеск и нищету куртизаиок», а взять сочиненне Золя «Нана». Но храма на месте ие оказалось: переехал в бараи прн жилищно-коммунальной конторе.

Пока пенсионер Девочкин разыскивал контору, храм эвакуировали в клуб «Автотэб». Здесь и библиотеке отнеслись с должным вниманием: выделили лучший грузовик, чтобы переправить ее в сельхозтехникум. Спустя год из сельхозтехникума ее любезно отослали назад в «Автотэб». А в «Автотэбе» классиков сгрузнли на пол и стали ждать, что будет дальше.

До снх пор ждут.

Р. К.

ЗАТМЕНИЕ БЕЗ СВЕТИЛ

По нрасавице Волге плыл наш пароход. Бывалый экскурсовод без устали сыпал:

— Товарнщи, пригтовьте бнноили. Приближаемся к индустриальному гиганту — Новокуйбышевску. Этот новый, краснвый город утопает..

— ...в дыму и газах,— перебил один из пассажиров.— Биноклн ни к чему, все равно ничего не увидите. Уж я-то знаю, я здешинй!

Вместе с ним и я покинул пароход в надежде рассмотреть чудо-город поближе.

— Э-з, да сегодия, оказывается, затмение! — восклиинул я, увидя небо через какую-то темную вуаль.

Выяснилось, что, быть или не быть солнечному затмеиию в Новокуйбышевске, решают не могущественные законы прнроды, а нефтеперерабатывающий завод, завод снитетического спирта, ТЭЦ... Это благодаря их щедрым выбросам газов в атмосферу загазованность воздушного бассейна в городе давно перешагнуяа допустимые и даже недопустимые нормы.

— А есть в городе исполком? Ведь в его правах...

— И исполком, слава богу, есть, и прав у него предостаточно. И решений принято — воз! Одно плохо — не выполняются они директорами.

— Ну, и что дальше? Наказывает исполком осяушников?

— И рад бы наказать, да разве в такой темиотище разглядишь: кто виноват, а кто нет? Остается одно: принять очередное решенке. О мерах борьбы с «затмеииями». А его и впотьмах написать можно. Привычной рукей.

В. САВЕЛЬЕВ

ДОКУМЕНТ

Я, извиняюсь, не Лермонтов. Не Гребенников и Добронравов. Я Петренко А. М. Поэтому стихотворение я написал нехорошее:

Дуся, Дуся,
Ты не дуйся,
Коль с тобою ие сойдуся...

А она обиделась, невеста моя. Ты, говорит, черствый сухарь, ты бестактиый, безнравственный, а меня, говорит, тем более не Дусей, а Жанной зовут.

Не поняла, что я в своем народном творчестве художественно оперся иа факты из жизни нашего города Уральска. Целый год я хочу жеииться, а никак ие могу. Загс работает только в будние дни, и я работаю только в будиие дни. Друзья у нас трудятся в будние же дни. Представляете, какой непоправимый ущерб народиому хозяйству будет нанесен в случае свадьбы в будние дии?

И вообще у нас уже ребенок наклюнулся. Опубликуйте, пожалуйста, его будущее имя: Сережа или Мариа. Только обязательно с печатью опубликуйте, потому что это и будет наш документ.

А. М. ПЕТРЕНКО
из города Уральска.

МАСТЕРА СМЕХА ИЗ МОЕГО ЦЕХА

Идут первые дни нового года. И в моем сатирическом цехе, как и всюду, кипит работа. А работа сатирика — деликатная, тонкая, тут точность руки нужна. Поэтому и трудятся в моем цехе умельцы — мастера и подмастерья.

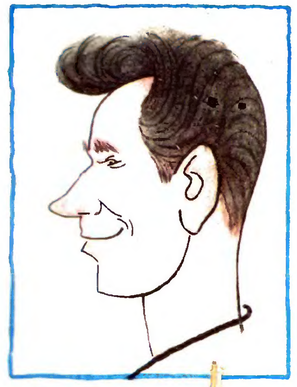
Некоторые из них — опытные, по восьмому разряду работают, а другие — молодежь, не так давно первую пробу сдавали. Но и они уже проходят через читательский ОТК без особых претензий.

— А покажите-на нам их! — говорят мне читатели.— Как они выглядят, эти фельетонисты, поэты, художники?

Ну, что ж, вот они перед вами. Не все, конечно. Разве всех сразу покажешь? Будет время — представлю и других.

Взгляни и верь своим глазам:
Портрет Сергея Михалкова.
Он басни сочиняет сам,
Без помощи И. А. Крылова.

Виталий Горяев рисует не только на страницах «Крокодила», он еще и книжный иллюстратор. Не так давно нарисовал уйму рисунков к Гоголю, а сейчас заканчивает иллюстрировать «Идиота» Ф. М. Достоевского. За время последней работы отрастил бороду, хотя этот немаловажный факт почему-то не отражен в дружеском шарже.



Каких только профессий нет на свете! Вот, пожалуйста, Евгений Матвеев — инженер-фельетонист. Технический вуз окончил, не какой-нибудь литературный, а, между прочим, пишет совершенно грамотно, без ошибок.

Очень любит путешествовать. Даже когда бывает дома, то кладет рюкзак под голову, а дорожные меды в ноги, чтобы не опоздать отправиться в очередную командировку.

Римский точеный профиль, как у древних гренов. Античные уши. Гордая осанка. Как не узнать Юрия Федорова — художника-карикатуриста, имеющего, правда, один крупный недостаток: он рисует смешно.

Простим ему это!

С. А. Ш. р. в 1903 г., п. сб. «Пар. и эпиг.» выш. в 1931 г. С тех пор С. Ш. рег. печ. в разл. журн. и особ. в «К», где выш. 5 сб. сатир. ст.

Условн. обозначения:

С.— Сергей, А.— Александрович, Ш.— Швецов, п.— первый, сб.— сборник, пар.— пародии, эпиг.— эпиграммы, выш.— вышел, рег.— регулярно, печ.— печатается, «К» — Крокодил, ст.— стихи, 5 — пять.

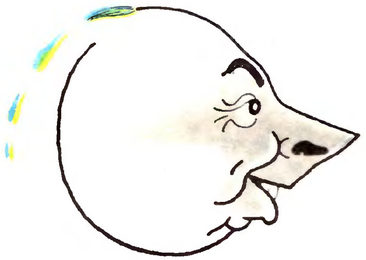
Тут и объяснять нечего. Только повторить в тысячный раз: КУПРИЯНОВ + КРЫЛОВ + НИК. СОКОЛОВ = КУКРЫНИКСЫ.

Так снизу вверх и изображены, на одном, так сказать, древе. И не случайно: осенью нынешнего года им исполняется ровно 200 лет (конечно, в пересчете на тронх), и почти полтора века они работают вместе, в одной мастерской. Хорошим пример для молодежи!

Между прочим, если вы загляните в мастерскую Кукрыниксов, то не увидите ни одного кактуса. Да и не нужны они. Карикатуристы и сами достаточно колючи!

Леонид Сойфертис. Умелец на все руки. Особенно на правую, которой так наловчился рисовать, что всю жизнь ничем иным не занимается.

Имеет правительственные награды, в том числе медали за оборону Севастополя и Одессы. Художник хранит их так же бережно, как и зарисовки, сделанные во время жарких боев в городах-героях...



Художник-карикатурист Борис Лео только с виду круглый, мягкий, как колобок. Но кисть и перо у него острые. Особенно когда художник изобличает козни империалистов. Они бы этот колобок слопали с наслаждением, да, как говорится, не по зубам.

Только что ему звание присвоено: «Заслуженный деятель искусств РСФСР».

Виктор Ардов — драматург, сценарист, юморист-сатирик.

В отличие от Аристофана, Свифта, Рабле, Марка Твена, Беранже, Курочкина и Надежды Тэффи с детских лет носит бороду.

Чтобы его с ними не спутали.

Бойцы сатиры жанра острого!
Пример берите (лучше не с него)
Не с Александра Македонского,
А с Александра Безыменского.

Представляем: Александр Моралевич. Фельетонист. Злой. Острый. Непримиримый. Очень не любит плохих людей.

К остальному человечеству относится терпимо.

Что скрывать, художник Иосиф Игин. Загадочная натура. Кого ни увидит, тотчас же изобразит. Так изобразит — родная мать не узнает. Вериее, узнает, но зарыдает. А еще называет это «дружескими шаржами».

Да что рассказывать — сами убеждайтесь: все эти шаржи — его рук дело.

Леонид Ленч недавно отметил 60-летне со дня рождения и 100-летие работы в Крокодиле.

Ничего удивительного в этом нет: он пишет в три раза быстрее, чем другие сатирики. Одно слово — XX век!

Известен
средь широких масс
сатирик наш
Владимир Масс,
поскольку бьет
Владимир Масс
не в бровь,
а прямо в глаз.

Сергей Смирнов —
В сатире жанр его
так ясен,
он лучше
выдумать не мог:
сто тысяч штук
коротких басен —
вот скромный
трудовой итог.

Александр Баженов — карикатурист. Психолог-анималист. Мастер изобасен. Звери боятся его больше, чем люди, а люди страшатся больше, чем звери. А разобраться — добрейшая душа.

Ему, как и Борису Лео, тоже недавно присвоено звание заслуженного деятеля искусств. А он, видите, не загордился, сидит за столом и рисует. Что поделаешь, любит человек эту работу!

Е. ГУРОВ, В. НАДЕИН, М. РАСКАТОВ,
специальные корреспонденты Крокодила

СКОЛЬКО БУДЕТ СТОИТЬ «FIAT»?

Мы обсуждали план предстоящей командировки, когда тихо скрипнула дверь. Показался длинный, изогнутый палец, а за ним высокий мужчина, очень похожий на Сергея Филиппова, но все же явно не Сергей Филиппов. Длинным пальцем Лжесергей выманил нас в коридор, затолкал костлявым плечом в темный угол и, заговорщицки поблескивая белками воспаленных глаз, прошептал:

— В Тольятти?

— В Тольятти, — прошептали мы, невольно впадая в таинственный тон.

— За «фиатами»?

— Что вы, какие «фиаты»? Обыкновенная служебная командировка.

— Ни, ни, без «фиатов» не возвращайтесь! Надо обязательно брать! Вы просто не знаете, что происходит в Тольятти. Там даже деньги разносят в конвертах, по-европейски. Берите по серому «фиату» и не обращайте на меня внимания. Я завидую без коварства.

— Хорошо, возьмем. Но при чем здесь вы?

— Ни при чем. Просто я буду стоять на Рязанском шоссе. С розами в руках. Возвращаясь на «фиатах», вы притормозите, и я вручу вам цветы.

— За что?

— За то, что вы по секрету сообщите мне, сколько будет стоить «фиат». Прошу не забыть: с розами в руках.

Признаться, нам нередко приходилось бывать в командировках. Но ни одна из них не вызывала столь бурного, хотя и одностороннего интереса общественности. Люди с совершенно незнакомыми фамилиями звонили нам в редакцию и в упор требовали ответа на тот же вопрос. И спрашивали, нельзя ли там, в Тольятти, замолвить словечко и за них, так как они тоже желали бы сесть за руль «фиата».

«Чем черт не шутит, — думали мы, вибрируя на полках фирменного поезда «Жигули». — Отчего бы фирме и в самом деле не преподнести нам по автомобильчику, раз у них этих «фиатов» и куры не клюют?..»

Мы въезжали в Тольятти скоростным зимним вечером. Заиндевелые огни с трудом вспарывали густотертую приволжскую тьму. Страдальчески охая, ползли тяжелые, переполненные до отказа единицы общественного транспорта.

Да, но где же «фиаты»? Многодетный слоновьей семьей тянулись по широкому шоссе

Представьте себе лионские кружева, пенные, невесомые. Выкрасьте их в черный цвет и набросьте на голубеющую глыбу смерзшегося неба. Набросили? Теперь учтите, что образ этот ни к черту не годится, потому что арматурное рукоделие тольяттинских сварщиков и монтажников миого совершеннее и впечатлительнее всего, что способны создать самые усидчивые кружевницы.

В восхищенном молчании мы простояли бы, наверное, до выпуска первого автомобиля. Тем более, что ждать осталось совсем немного: чуть больше года. Но жгучий вопрос, на который мы еще не получили ответа, теребил, будоражил, толкал дальше.

Триста шагов на запад — и мы под свежеиастланными сводами главного корпуса, в гуще, так сказать, созидания.

Объектом интервьюирования мы избрали солидного, средних лет мужчину, властно командовавшего десятком строителей.

— Во что обойдется здешнее авто? — прищурившись, переспросил мужчина. — Да, полагаю, деньги немалые. Гектаров здесь многовато.

— Гектаров чего? — не поняли мы.

— Цехов.

Мужчина тут же рассеял наше недоумение. Обычно площадь производственных предприятий измеряют в квадратных метрах. Но здесь эта единица мелка, слишком много нулей приходится выставлять за каждой цифрой. С гектарами попроще. Кузнечный цех — 5 гектаров, прессовый корпус — 20 гектаров, а под крышей главного корпуса вольготно смогли бы

бесчисленные «краузы», «мазы», «куазы», «газы», «зилы»... Их исполинские колеса взбивали на заснеженных дорогах пышный серый коктейль. Наверное, миниатюрные легковушки просто побаивались появляться в этой могучей, грубоватой компании из естественного чувства самосохранения.

Побросав в номере нехитрое командировочное имущество, мы поспешили в коридор. Нам нужен был тольяттинец, любой, первый попавшийся. Уж он-то наверняка знает, сколько будет стоить «фиат».

В полумраке холла сидел небритый парень с мощными жевательными мышцами.

— Скажите,—задыхаясь от нетерпения, спросили мы,— сколько будет стоить?..

— Братишечки!— завопил вдруг небритый.— И вас судьбой пристукнуло? Спросите меня, я все скажу. Только один момент, надо пол-литра сообразить...

И он опрометью метнулся вниз по лестнице.

Мы терпеливо ждали его около часа. Но тщетно! Он сгинул, и вместе с ним сгинула его информация.

Восход солнца мы встречали на автозаводе.

Физики и лирики, слушайте нас! Есть в мире место, где в восхищением смирении замрет и тонкогубый техницист и экзальтированный эстет. И это место — в трехстах шагах к востоку от главного корпуса строящегося Волжского автозавода.

улечься двадцати лужниковских футбольных полей! Вот на каких обильных автоугодьях будут произрастать лаковые седаны.

— В гектарах оно, конечно, интересно, — искренне заметили мы. — Но нельзя ли перевести стоимость интересующего нас предмета в другие единицы? Так сказать, попроще, подоступнее...

— Пожалуйста, — охотно согласился строительный командир. — Меры длины не менее красноречивы. Общая протяженность всех конвейерных линий превысит сто пятьдесят километров. И это не считая нескольких километров обеденных конвейеров.

— Обеденных?!

— Именно. На нашем заводе, не в пример другим, не будет скользящего обеденного графика. За полчаса должны пообедать двадцать тысяч человек, вся смена. Причем спокойно, без спешки и нервотрепки. А транспортный конвейер! Представляете, как непросто вывезти из Тольятти более двух тысяч автомобилей ежедневно? Уже строятся четырехэтажные баржи и двухэтажные вагоны... Нет, дорогая это штука, страшно дорогая!

Нельзя сказать, что ответ прозвучал слишком уж обнадеживающе. Грандиозность накладных расходов, связанных с такими, казалось бы, несущественными деталями, как еда и отволакивание машин в сторонку от конвейера, настораживала. На что же это государственные миллиграндиозную плотину в максимально сжатые сроки, а сейчас строим грандиозный автозавод вдвое быстрее максимального. А теперь, извините, нам пора.

И Николай Трофимович Зенков кивнул в сторону исполинского щита, на котором было назидательно начертано: «Одна потерянная коллективом минута стоит 2 361 рубль».

Ходить по площадке автозавода интересно, но утомительно. Сорок минут спорого солдатского шага мимо одного цеха, полчаса мимо другого. Миновав корпус вспомогательных цехов, мы в изнеможении прислонились к бесконечному хоботу какого-то стального чудища, решив, что самое разумное — это не выбиваться из сил и тут же заночевать.

Но в этот момент — о счастье! — показался «фиат». Самый настоящий «фиат» остановился перед нами и гостеприимно распахнул дверцу.

— Вы кого-нибудь ищете?

— Вас, именно вас! — радостно воскликнули мы. — Вы как шофер...

— Я не совсем шофер, — мягко поправил шофер.— Я инженер-испытатель Василий Халаимов.

— Тем лучше! Значит, вам известно, сколько будет стоить эта милая машина?

— Садитесь, отвечу действием.

Автомобильчик лихо вынес нас на широченную магистраль. Дальше начелось нечто невероятное. Мы легко и непринужденно обгоняли все, что двигалось в этот полуденный час по дороге. Тонкая стрелка спидометра уверенно уткнулась в цифру «120».

— Быстрее нельзя, — сокрушенно вздохнул Василий. — Дорога не позволяет. Гололед.

— И все же сколько?..

— Точно сказать не могу. Но я лично эту свою тележку ни на что не променяю.

— Даже на «Волгу»?

— Что ж, «Волга» — хорошая машина. Но скорость я все же набираю быстрее.

— Стойте!— закричал вдруг один из нас, а именно поэт.— Вон он!

— Кто?

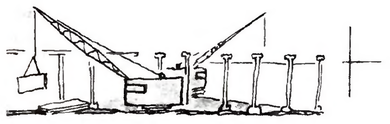
— Тот, кто обещал всю правду раскрыть, из гостиницы. Минутку, я сейчас его догоню!

Вскоре поэт вернулся и сообщил, что:

Наш знаномый без стесненья
Вдруг спросил:— Ты свой, никак?
И в порыве откровенья
На вопрос ответил так:
— Ничего, браток, не скрою —
Поднимаю паруса!
А тебе в момент открою
На действительность глаза.
Я с такой особой статн
Брал плацкарту в этот край?
А с такой, что знал:
В Тольяттн
Не житье, а чистый рай.
Ты представь себе картину:
Приезжаешь строить ВАЗ,
Тут же личную машину
Получаешь нан аванс.
И катайся без заботы.
Только было бы не лень...
День в неделю отработал,
А зарплата — каждый день.
И живешь — от счастья таешь.
И текут к тебе рубли,
«Жигулевское» глотаешь,
Наблюдая Жигули.
Вот и прибыл. Где ж награда?
Где комфорт? Машина где?
Говорят, работать надо
И в Тольятти, как везде.
Нет уж, дудки! Я умнее!
У меня свое нутро.
Мне бы рублин подлиннее,
А работну — покоро...

— Я прошу прощения за то, что монолог остался неоконченным, — смущенно сказал поэт,— но дело в том, что наш общий знакомый неожиданно побежал в сторону вокзала. Последняя надежда рухнула, и теперь вряд ли мы узнаем, сколько будет стоить «фиат».

— Не горюйте, — сжалился над нами Василий Халаимов.— Я вас отвезу к человеку, который знает все.



Человек, Который Знает Все, сидел за прекрасным полированным столом прекрасного кабинета Дирекции строящегося завода.

— Я занят, — честно предупредил человек.

— Один вопрос, только один вопрос! — взмолились мы. — Скажите, сколько будет стоить «фиат»?

— Когда?

— Ну, хотя бы в семьдесят первом году?

— Трудно сказать точно. Вероятно, около миллиона двухсот тысяч лир. Если не произойдет существенной инфляции вследствие происков конкурирующих валют. Так сказать, грызня монополий.

— Каких монополий?! При чем тут лиры?! Нас интересует: почем будут «фиаты» в рублях, в карбованцах? Те «фиаты», которые будут выпускаться здесь?

— Вы ошибаетесь, товарищи, — мягко сказал Человек, Который Знает Все. — Здесь будет выпускаться не «фиат», а «ВАЗ-2101». У нашего «ВАЗа» и мотор будет другой, и тормоза не те, что у «фиата». Есть и другие новшества, которые придутся по душе будущему владельцу нашего автомобиля. А сколько он будет стоить — это определит Госкомитет по ценам в ближайшее время.

Как и следовало ожидать, из Тольятти мы возвращались на поезде. Бедный Лжефилиппов! Он, наверное, до сих пор стоит на Рязанском шоссе с букетом увядших роз.

— Второй год в Москву летает, все пытается какое-то изобретение протолкнуть!

Рисунок С. КУЗЬМИНА

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«До конца финального свистка ни одной из команд не удалось поразить ворота соперников».

(Газета «Кавказская здравница».)

Ставропольский край.

«Придя раио утром на работу, женщины ахнули. В цехах их встретили живые цветы. Правда, сначала их было очень мало—по одному на цех».

(Газета «Кузбасс».)

г. Кемерово.

«Заметно снизилась продуктивность птицы. От каждой из 4 740 кур-несушек получают в день чуть больше пятисот яиц».

(Газета «Путь Ильича».)

г. Нижнеудинск.

«После падения я встал и посмотрел на свое здоровье. Оно было нормальным, если не считать разорванных брюк».

(Из объяснения.)
Копию снял В. Радыгин.

пос. Яйва,
Пермской областн.

«Управляющему домами
ЗАЯВЛЕНИЕ

Прошу Вас прописать меня на площадь к гр. Варгиной В. И. в качестве дворника и мужа. Она тоже согласиа».

Копию снял В. ФЕДОСОВ.

г. Харьков.

Фото В. Бендеберя.

Черниговская область.

«Товарищи пассажиры. Происходит посадка на поезд, следующий по маршруту Уфа — Бугульма. Посадка в вагоны производится с носа».

(Из объявлення на вокзале по радио.)
Записал Н. Кирюхин.

г. Уфа.

«ПУТЕВОЙ ЛИСТ
(грузового автомобиля)
21 июля 1968 г.

Шофер — Гусев Н. Б.
Откуда взять груз — Голуби
Куда доставить груз — Волчиха
Грузовладелец — неразборчиво
Наименование груза — жена в гости».

Прислал В. Смирнов.

Горьковская область.

«Я не буду обвинять суд — это не мое дело. Скажу только, что я бы на его месте оправдал меня».

«Давайте не будем говорить о том, что он плохой,— это уже всем известно, поговорим лучше о том, что он, может быть, все-таки хороший!»

«Иванов? Хороший человек! Пьет, правда, немиого, но очень хороший человек. Бывает, что и нагрубит, похулиганит, но человек он все-таки хороший!»

(Из материалов товарищеского суда.)
Собрал А. Юриов.

г. Леннград.

«На постоянную работу временно требуется машиинстка».

Списал А. Елесин.

г. Красноярск.

«Многие жители округа № 201 содержат в образцовом порядке свои усадьбы, принимают активное участие в других мероприятиях, производимых по наведению чистоты и порядка в городе. Примером могут служить П. Бобров и Е. Портников. Они содержат свои усадьбы в образцовом порядке.

Уличному комитету надо призвать таких людей к порядку».

(Газета «Коммунистнческий призыв».)

г. Рубцовск,
Алтайского края.

«В вытрезвитель я попал из-за любви к телевизору. Когда показывали выпивку,— решил перепить артистов, но они хлестали шампанское, а я горькую. Вначале не обратил внимания на разницу в градусах, а когда спохватился, было уже поздно — находился в отделении милиции. Заверяю: больше этого не повторится, но и выпивку из телевизора надо исключить».

(Из объяснительной записки.)
Прислал В. Смирнов.

г. Витебск.

«Наивно думать, что скульптор — это пальцы и глина».

(Газета «Красное знамя».)

г. Томск.

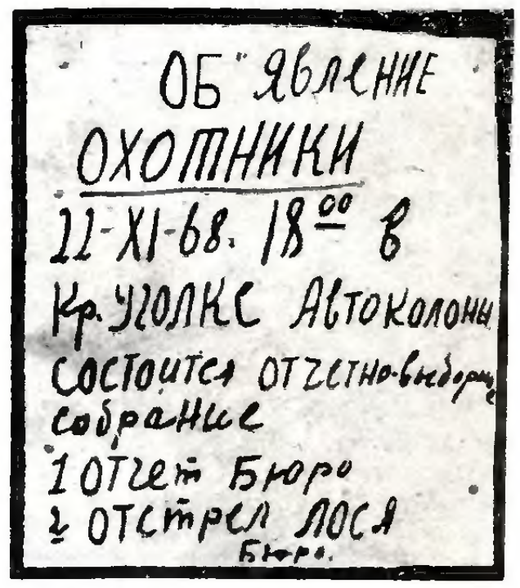
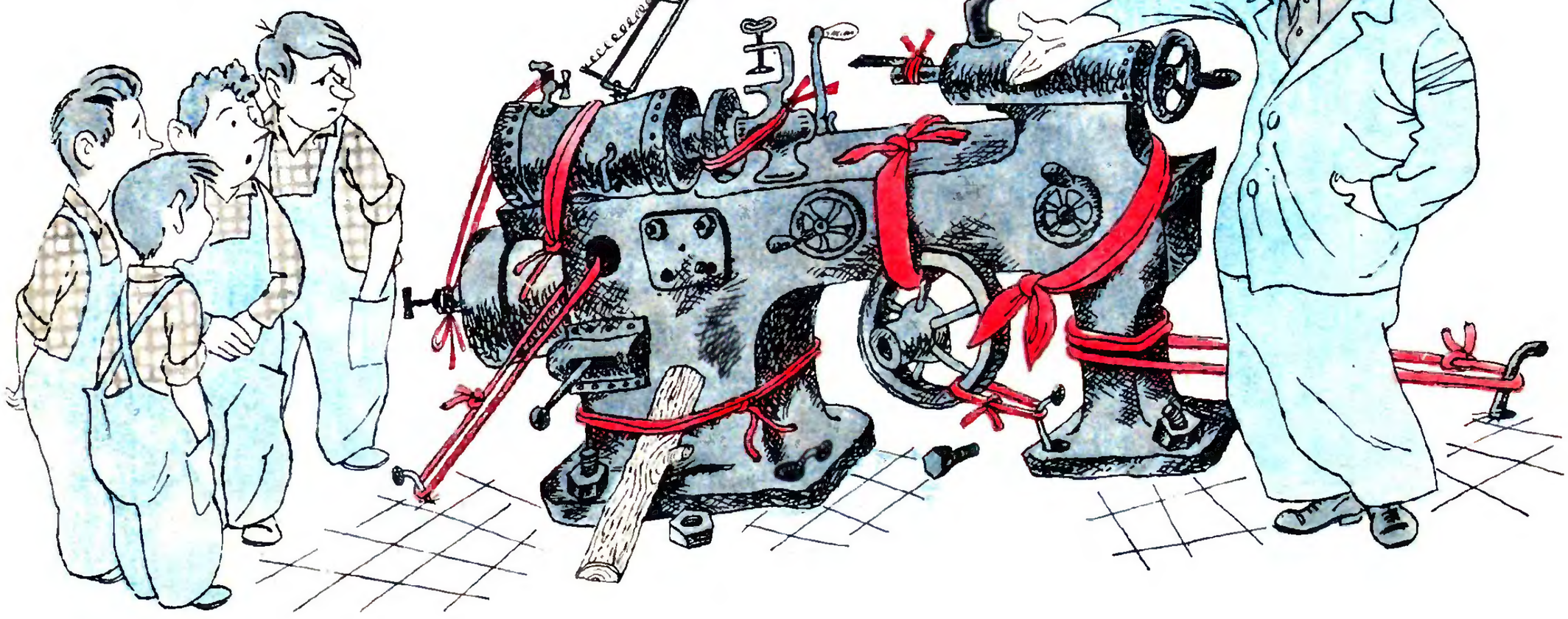


Фото М. Блинова.

г. Выборг.

Материально-техническая база профтехучнлищ не отвечает современным требованиям.

Рисунок Е. ГУРОВА



— Здесь вы видите все узлы машины!

— Скажите, как попасть в больницу?
— Пройдите по этой улице и попадете...

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА

Дурак имеет перед умным явное преимущество: там, где над дураком смеются, умного бьют.

В. ЖЕМЧУЖНИКОВ.

Если верить старикам, дети из поколения в поколение становятся все хуже, а родители все лучше. Таким образом, из все худших детей вырастают все лучшие родители.

В. БРУДЗИНЬСКИЙ.

От чего иного, а от сокращения штатов никто еще без должности не остался.

Е. СУТРА.

Маленькие люди особенно нуждаются в пьедесталах.

А. ЛИГОВ.

УНИВЕРСИАДА ОСТРОУМНЫХ

НОВЫЙ КОНКУРС «КРОКОДИЛА» — ДЛЯ СТУДЕНТОВ УНИВЕРСИТЕТОВ СТРАНЫ

Сейчас я не обращаюсь с призывом «Всем! Всем! Всем!» к многомиллионной армии читателей. В новом моем конкурсе, который будет продолжаться до конца июня нынешнего года, приглашаются принять участие только студенты университетов. Да и то не отдельные брызжущие юмором одиночки, а монолитные, дружные бригады остроумцев.

Каждая бригада должна состоять из 13 (тринадцати) не боящихся дурных примет весельчаков. Соревнование будет состоять из трех туров, включающих по три задания. За удачное решение одного задания коллективу остроумцев будет присуждено до 13 (тринадцати) счастливых очков. Таким образом, достойно справившись со всеми тремя заданиями очередного тура, можно будет набрать до 39 очков и получить специальную промежуточную премию.

Три коллектива, набравших во всех трех турах максимальное количество очков, будут удостоены звания чемпионов «Универсиады остроумных», награждены специальными медалями и весьма памятными призами.

Итак, **первый тур.** Тема его — не всегда, быть может, самое приятное, но зато самое главное в жизни студента — учеба

Необходимо выполнить следующие три задания:

1 Нарисовать карикатуру из студенческой жизни, наиболее остроумно отвечающую диалогу: «Что это вы делаете!» «А другого выхода-то нет!..»

2 Озвучить, то есть придумать текст к этому рисунку крокодильского художника Г. Огородникова.

3. Прислать самую смешную карикатуру из университетской многотиражки или стенгазеты, помещенную в текущем учебном году.

Итак, на старт, друзья! Материалы с выполненными заданиями первого тура необходимо прислать до 30 января 1969 года. Итоги первого тура будут опубликованы в конце февраля 1969 года в № 6 моего журнала.

Желаю успеха!

КРОКОДИЛ

ПРОСТО АНЕКДОТ

80-летний старик женился на 18-летней девушке. Через девять месяцев она родила ребенка. Старик пошел к священнику и спросил:

— Действительно ли я отец ребенка, или это чудо, сотворенное богом?

— Я расскажу тебе,— ответил священник,— поучительную историю. Я был однажды в пустыне. Вдруг на меня бросился лев. У меня в руках была палка. Я поднял ее, прицелился и сказал: «Пу!» Лев упал мертвым.

— Это было дело рук божьих!

— Нет, позади меня оказался охотник с настоящим ружьем.

●

Один юрист так объяснил значение слова «ответственность»:

— Представьте себе, что на брюках всего две пуговицы и одна из них оторвалась. Тогда все бремя ответственности падает на вторую пуговицу.

●

Офицер спрашивает у новобранца-моряка:

— Счастливы ли вы, что служите в военно-морском флоте Соединенных Штатов?

— Так точно, господин капитан!

— А что делали до военной службы?

— Был значительно счастливее, господин капитан!

●

— Главная цель всех изобретений — сберечь человеку время,— философски изрек один.

— Но так было только до изобретения телевизора,— уныло возразил второй...

●

Отец повел ребенка на концерт. Малыш спросил:

— Почему этот дядя замахивается палочкой на тетеньку?

— Он не замахивается, он просто дирижирует.

— А почему же тогда она визжит?

●

— Говорят, ты скоро женишься, Свеиссои?

— Ох, не знаю! Моя невеста не хочет выходить за меня замуж, прежде чем я не уплачу своих долгов, а я их не могу уплатить, прежде чем не женюсь на ней.

●

Мой салон МОДЫ-69

Художник-модельер Крокодила
Е. МИГУНОВ

ДЕМИСЕЗОННЫЕ ПАЛЬТО ДЛЯ МОЛОДОЖЕНОВ

Они очень практичны: молодая пара может время от времени меняться ими, и, таким образом, каждый будет иметь по два пальто.

КОСТЮМЫ ДЛЯ УЛИЦЫ

Пиджак-полупальто выгодно подчеркивает линии мужской фигуры. Дамское платье напоминает китель-френч со срезанными нарманами. Ансамбль дополняется скромной бижутерией и хлорвиниловыми сапожками под цвет губной помады.

ЗИМНИЕ АНСАМБЛИ

Дамское мини-полупальто с двумя рядами адмиральских пуговиц. Головной убор «Боярыня Морозова» в контрасте с сапогами «Граф Рошфор» создает запоминающийся силуэт.

Мужская спортивная куртка в сочетании с барашковым картузом делает человека неузнаваемым. Гражданин, одетый таким образом, для успешного передвижения должен иметь поводыря или дрессированную собаку.

РАБОЧИЕ КОСТЮМЫ

Дамский костюм цвета бывшей семги. Обилие бантов скрашивает строгий конторский вид туалета.

Интересна конструкция брюк со шнуровкой, которые можно надевать через голову. Простота надевания обоих костюмов гарантирует своевременный приход на работу.

КОСТЮМЫ ДЛЯ ТАНЦЕВ

Экономный крой мужского воротника позволяет ушнрить сюртук в бедрах. Свободный покрой не стесняет движений нижней половины туловища, что особенно ценно при танцах шейк, твист, хали-гали.

Легкое платье-тюник с большим вентиляционным воротником и макжетами-веерами.

ВЕЧЕРНИЕ НАРЯДЫ

Мужские моды, как и дамские, становятся все женственнее.

Для этого сезона характерна богатая отделка мужских сорочек брыжами, органди и шелковыми кружевами. Расходы на мужской туалет компенсируются элегантной простотой дамского туалета, где главное внимание уделяется прическе.

ЕЖЕГОДНЫЕ ПРЕМИИ КРОКОДИЛА

С 1969 года редакция журнала «Крокодил» учреждает двенадцать ежегодных премий за лучшие материалы года: рассказы, фельетоны, стихотворения, карикатуры и т. д.

Премии в размере 250 рублей каждая, а также памятные медали и дипломы победителей будут присуждаться как советским, так и зарубежным авторам «Крокодила». Премии получат те авторы, чьи произведения будут бичевать социальные пороки, высмеивать человеческие слабости и заблуждения — словом, разить все то, что еще мешает прогрессу современного общества, и, разумеется, если эти произведения будут выполнены на высоком художественном уровне.

Крокодил приглашает мастеров сатиры и юмора — литераторов и художников — активно выступать на страницах журнала.

Рассказы, карикатуры, стихи и другие материалы следует посылать по адресу: Москва, А-15, Бумажный пр., 14, редакция журнала «Крокодил».

КРОКОДИЛ

№ 1 (1903)

ГОД ИЗДАНИЯ СОРОК СЕДЬМОЙ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

журнал выходит три раза в месяц

Темы рисунков этого номера придумали: М. Вайсборд, В. Гинчков, А. Грунин, В. Каневский, С. Кузьмин, А. Скотаренко, И. Сычев, Ю. Узбяков, А. Чикарьков, Е. Шабельник.

НАШ АДРЕС:
МОСКВА А-15
БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД
Д. 14

ТЕЛЕФОНЫ:
250-10-86
253-34-37

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ

Редакционная коллегия:
А. Н. ВАСИЛЬЕВ
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ (зам. главного редактора)
Б. А. ЕГОРОВ
Б. Е. ЕФИМОВ
В. Д. НАДЕИН (ответственный секретарь)
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Е. А. ШУКАЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

А 00235.
Подписано к печати 27/XII 1968 г.
Формат бумаги 70×108¹/₁₆.
Объем 2,80 усл. печ. л.
4,54 уч.-изд. л.
Тираж 5 100 000 экз.
(1 завод: 1—4 339 350).
Изд. № 6.
Заказ № 3608.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 12 коп.
Индекс 70448

Рисунок Ю. ГАНФА